

Copyright © 2026 by Cherkas Global University



Published in the USA  
 Bylye Gody  
 Issued since 2006.  
 E-ISSN: 2310-0028  
 2026. 21(2): 892-907  
 DOI: 10.13187/bg.2026.2.892

Journal homepage:  
<https://bg.cherkasgu.press>



## From Christmas to Maslenitsa. Urban Festive Daily Life in Orenburg at the turn of the 19th and 20th centuries, based on the Orenburg Press

Elena V. Burlutskaya <sup>a</sup> · \*

<sup>a</sup> Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

### Abstract

The article examines the evolution of the festive daily life of Orenburg residents in the last quarter of the 19th century and the first decade of the 20th century. The object of the study is the daily life of residents of a provincial city at the turn of the century, and the subject is festive daily life as a special form of leisure daily life. The source base is the regional press of the specified period, which acts as a "collective diary" for the city's residents, recording both the key events of urban life and the opinions of the citizens regarding these events.

An analysis of available sources allows us to conclude that the festive events held in various Russian cities during the period from Christmas to Maslenitsa were relatively standard. These include biblical plays, mummers, divination, sleigh rides, Christmas tree celebrations, balls and masquerades, circus and theater performances, and concerts. The festive daily life of Orenburg residents was transformed by the gradual displacement of folk forms of celebration with more Europeanized, intellectually and aesthetically oriented forms, in the same way as it happened in other provincial cities at the turn of the century. Festive events became more corporate and club-like, were combined with various charitable initiatives, and became increasingly diverse.

At the same time, festive daily life was quite closely connected with the social composition of the urban population. For example, the significant presence of military classes in Orenburg, including officers, soldiers, Cossacks, and others, introduced elements of combat training and foot drill into the celebrations and made popular, for example, such a winter pastime as "the capture of the snow fortress." A significant percentage of the population employed in the service sector (modistes, seamstresses, maids, lackeys, etc.), working for the city's bureaucratic and military aristocracy, contributed to the emergence and chronological stability of the phenomenon known as the "lackeys' ball". The presence of a large number of Asian merchants in the city (representatives of Khiva, Bukhara, Kokand, Tashkent, etc.) influenced the masquerade costumes of the Orenburg dandies, who copied the details of their national clothing.

**Keywords:** daily life, city, holiday, Christmas, Maslenitsa, Orenburg, late 19th – early 20th centuries.

### 1. Введение

Феномен праздничного достаточно часто противопоставляется категории повседневного, поскольку исключает такие компоненты, как ежедневность, будничность, рутинность, обычность. Однако в ситуации, когда праздник приобретает периодический, повторяющийся характер и переживается человеком на протяжении жизни значительное число раз, он приобретает свойства привычности, стандартизованности, стереотипности. Именно поэтому основные зимние праздники – Рождество и Масленица – и устойчивые для какой-либо локации традиции их переживания могут восприниматься как некий хронотоп, специфический мир повседневности, подразумевающий характерную для данного места и времени повторяющуюся коммуникативную ситуацию.

\* Corresponding author

E-mail addresses: [ida777@yandex.ru](mailto:ida777@yandex.ru) (E.V. Burlutskaya)

Время от Рождества до Масленицы, насыщенное традиционными вариантами социальной коммуникации, коллективных практик определяло как предметную составляющую бытия (праздничное пространство, подарки и т. д.), так и поведенческую (гостевание, балы, гуляния и пр.), а также особое состояние сознания (эмоции, мысли). Данные обстоятельства позволяют рассматривать указанный временной период как особую разновидность повседневности – повседневность праздничную. Перечисленные структуры повседневности воспроизводили специфическую культурную идентичность горожан, обеспечивали групповую коммуникацию через общие поведенческие практики, демонстрировали некую внутреннюю сущность социума, подчеркивали непрерывность жизненных циклов поколений.

## 2. Материалы и методы

Рождество и Масленица были наиболее крупными, народными зимними праздниками, обладавшими собственными ритуалами и привычными формами их проживания. Действия, совершаемые горожанами в конце декабря – феврале, находили отражение на страницах региональной прессы, подробно фиксирующий весь ход городской жизни. В газетах фиксировались не только происходящие события, но и планы организаторов, и впечатления публики, и рассуждения журналистов, и отзывы участников событий. В основном источниками послужили раздел «Хроника» и публикуемые в газетах объявления и реклама. Были использованы такие оренбургские печатные средства массовой информации, как «Оренбургский листок» и «Оренбургская газета» – наиболее массовые издания, имевшие еженедельный или ежедневный характер.

Методология исследования опирается на метод конкретных ситуаций (кейс-метод), основанный на анализе частных случаев, нашедших отражение на страницах оренбургской прессы. Особенностью использования данного метода является изучение не только зафиксированных исторических фактов, но и контекста событий, тесно связанного со спецификой места и времени их проявления. В этой связи был дополнительно использован такой источник, как данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., позволяющий уточнить объективные особенности оренбургского социума.

Целью исследования является конструирование и анализ праздничной городской повседневности на рубеже XIX–XX вв. в провинциальном Оренбурге. Практики празднования Рождества, Нового года и Масленицы, с одной стороны, включали в себя элементы традиционной праздничной культуры, но с другой – трансформировались под влиянием внешних обстоятельств, экономических, социальных и культурных факторов жизни. В этом проявился своеобразный дуализм праздничной повседневности, являющийся маркером жизненного мира провинциального горожанина конца XIX – начала XX в.

## 3. Обсуждение

Поскольку существуют десятки исследований, посвященных досуговому практикам горожан в рамках Российской империи в целом, в рамках историографического обзора по теме статьи остановимся лишь на работах, касающихся Урала и Поволжья – регионов, исторически и географически связанных с Оренбургской губернией. Анализ различных вариантов праздничной досуговой повседневности горожан Волго-Уральского региона можно найти как в монографических работах (Зорин и др., 2000; Миненко и др., 2006; Микитюк, Яхно, 2014; Бурлуцкая и др., 2020), так и в научных статьях. В монографиях, как правило, подробно описывались общие черты и особенности городской провинциальной повседневности, включая праздничные традиции и формы досуга. Эти работы позволяют изучить сочетание в провинциальных городах традиционных праздничных обрядов и новых форм досуга, появившихся в период модернизации.

Исследователь провинциальной повседневности городов Вятской губернии И.В. Маслова в ряде публикаций (Маслова, 2010; Маслова, 2013) поднимала тему праздничной повседневности, в том числе в контексте социокультурной среды провинциального города. По мнению автора, в «организации досуга провинциальных горожан проявлялся причудливый альянс народных традиций и забав по европейскому образцу» – с одной стороны, горожане «неукоснительно читали религиозные обряды» (Маслова, 2013: 29), с другой – проявляли интерес к таким светским развлечениям, как театр, музыкальные вечера, карточные игры и пр.

Основным источником, позволяющим получить материал, касающийся различных вариантов зимнего досуга горожан, является городская пресса. Отражению праздничных городских событий в газетах был посвящен целый ряд научных публикаций (Яхно, 2010; Казакова-Апкаримова, 2018; Яхно, 2019; Кискидосова, 2020). На основе данных городских газет авторы пытались выявить «вектор перемен» в досуговой составляющей городской повседневности. Так, например, О.Н. Яхно (Яхно, 2019) делала акцент на переходе от сословных досуговых практик к объединению «по интересам» в масштабах клубов и общественных организаций, от обычных обывательских развлечений к благотворительным мероприятиям. Е.Ю. Казакова-Апкаримова (Казакова-Апкаримова, 2018) обращала внимание на популяризацию средствами массовой информации новых, «модерных форм досуга» среди горожан.

Таким образом, целый ряд авторов, анализирующих эволюцию городской досуговой повседневности на протяжении второй половины XIX – начала XX в., смогли вычленить направление этих изменений, зафиксированное региональными печатными изданиями. Однако применительно к Оренбургской губернии и губернскому центру аналогичные исследования не проводились, что и обусловило актуальность и научную новизну предлагаемого исследования.

#### 4. Результаты

Излагаемые в рамках статьи ситуации и случаи относятся к довольно продолжительному периоду конца 1870-х – начала 1910-х гг., что позволяет проследить эволюцию праздничной повседневности в Оренбурге на протяжении почти 40 лет, а также выявить какие-то максимально устойчивые компоненты этой повседневности, сохраняющие актуальность на протяжении всего исследуемого периода.

Прежде чем приступить к изложению материала, касающегося обстоятельств и форм бытования горожан Оренбурга в период от Рождества до Масленицы, стоит акцентировать внимание на ряде аспектов, отличающих Оренбург от других губернских центров Российской империи.

Согласно данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., городское население Оренбургской губернии составляло примерно 9,5 % от общего числа губернских жителей (ПВПН РИ, 1905: VIII). Население Оренбурга с его 72 425 жителями составляло 13 % от общего числа проживающих в Оренбургском уезде (ПВПН РИ, 1905: VIII). Таким образом, губерния была аграрной, населенной преимущественно сельским населением. Процент грамотных оренбуржцев составлял чуть более 41 % (ПВПН РИ, 1905: 1), что может считаться весьма высоким показателем, примерно соответствующим средней грамотности городского населения России в 45 % (Рашин, 1956: 297).

Местными в Оренбурге были 32 955 человек (ПВПН РИ, 1905: 2), т.е. 45,5 % горожан. Более половины оренбуржцев, таким образом, происходили из других уездов Оренбургской губернии, других губерний и даже других государств. Большое число иногороднего, пришлого населения, неизбежно сказывалось на культурной идентичности жителей города, воплощавших в своем поведении культурные привычки «родных» мест, способствовало образованию культурной маргинальности существенной части горожан.

Словный состав населения Оренбурга включал в себя 8 % дворян, 1,4 % священнослужителей, 1,2 % купцов, 55 % мещан, 25,7 % крестьян, 5,7 % войсковых казаков и 0,5 % инородцев, 0,7 % иностранцев (представителей Австро-Венгрии, Германии, Хивинского и Бухарского ханств и других государств (ПВПН РИ, 1905: 26)), и 1,8 % остальных сословий (ПВПН РИ, 1905: 2-3). Значительный процент представителей «городских» сословий в составе оренбуржцев, вкупе с довольно высоким уровнем грамотности горожан, очевидно влиял на их приверженность интеллектуальным и эстетичным формам проведения праздничного досуга.

В то же время, присутствие в составе горожан более 30 % сельских сословий также должно было накладывать отпечаток на формы проживания праздничной повседневности. Данное обстоятельство усугублялось многоэтничностью и поликонфессиональностью оренбуржцев, из которых лишь 75,7 % (ПВПН РИ, 1905: 3) были православными, а оставшаяся четверть населения представляла собой смесь из мусульман, старообрядцев, иудеев, католиков, протестантов и представителей иных религий. Таким образом, праздничная повседневность жителей Оренбурга должна была отличаться максимальной пестротой и разнообразием.

Наиболее распространенными вариантами занятости населения в Оренбурге были: работа частной прислугой и поденщиками (3 970 чел. – 5,5 % горожан), служба в вооруженных силах (2 728 чел. – 3,8 %), занятие земледелием (1 593 чел. – 2,2 %), изготовление одежды (1 351 чел. – 1,9 %) и строительные / ремонтные работы (1 296 чел. – 1,8 %) (ПВПН РИ, 1905: 108-109). Присутствие в городе значительного числа земледельцев, военных и представителей сферы услуг неизбежно должно было стать причиной включения в городскую праздничную повседневность элементов военного и крестьянского быта, а также специфической «окологородской» повседневности модисток, горничных и пр., воспроизводящей в искаженном виде повседневность их хозяек и заказчиц.

Горожане до 20 лет насчитывали 41,7 % оренбуржцев, 20–40 лет – 33,2 %, 40–60 лет – 17,7 %. Оставшиеся 7,4 % приходились на людей старше 60 лет (22 мужчин и 35 женщин из этого числа перешагнули 90-летний юбилей!) (ПВПН РИ, 1905: 6-7). Таким образом, население города было довольно молодым, состоящим из людей активного возраста, с удовольствием участвующих в разнообразных праздничных мероприятиях.

В целом комплекс праздничных развлечений в Оренбурге на рубеже XIX–XX столетий был довольно стандартным. Об аналогичных традиционных зимних мероприятиях в Екатеринбурге писала, к примеру, О.Н. Яхно: «Несколько недель от Рождества до Крещения были заполнены балами, театральными спектаклями, визитами, маскарадами, гуляниями и т. д.» (Яхно, 2010: 150), «репертуар зимних городских праздников сложился, обычным стал и их сценарий» (Яхно, 2010: 154).

Наиболее традиционными, народными были святочные развлечения в крестьянской и казачьей среде. Присутствие в составе оренбургского городского общества значительного числа крестьян (более 25 % в 1897 г.) и казаков (5,7 % в 1897 г.), делало их зимние забавы общими городскими

увеселениями. Александр Иванович Кривощёков — краевед, педагог, исследователь казачьего быта, собиравший архивные материалы и записывавший рассказы старожилов, в «Вестнике Оренбургского учебного округа» за 1915 г. описал, к примеру, Святки в среде оренбургских казаков. Отсутствие полевых работ и избыток свободного времени делало Святки самым веселым временем года, сезоном пирушек и подготовки к свадьбам. С первых дней Рождества начиналось хождение «людей семейных» по гостям, молодежь устраивала вечеринки и маскарады. Наряжались «казаками» (в полную форму), киргизами, киргизками, татарами, татарками, цыганами» и ходили с песнями и плясками от одной вечеринки к другой. Набор масок, таким образом, отражал специфический этно-социальный состав населения города. Причем себя такие «маскирующиеся» называли не ряжеными, а «слушальщиками». Вместо масок они иногда использовали «вырезанные из толстой сахарной бумаги и разрисованные углем» «страшные рожи», носовые платки, кисею, вязаные салфетки или просто мазали лица сажей. Хозяева посещаемых домов должны были при этом угадать каждого замаскированного (Кривощёков, 1915: 194).

Оренбургский автор, описывая рождественские празднества 1877 года, сообщал, что в первые несколько дней после Рождества «мы еще с утра будем делать и принимать визиты; вечером сегодня [25 декабря – авт.] пойдем на лакейский бал, издавна установившийся в общественном и коммерческом клубе для удовольствия прислуги, ... [...] Далее, начесавши язычок во время визитаний, мы ... пойдем поочередно отплясывать в наших клубах, для разнообразия заглянем в театр, потом будем принимать “ряженных”, которые подобно мотыльку, разъезжая по городу, летят на огонек». Прием «ряженных», конечно, подогревал любопытство узнать под маской свою знакомую или знакомого. Однако «посещения замаскированных, в большинстве молчаливых, редко остроумно костюмированных, более пляшущих, нежели разговаривающих, и плохо интригующих» (Барбачев, 1877: 1), большого интереса, особенно у городской аристократии, не вызывали. Авторы монографии, посвященной различным аспектам городского быта дореволюционного Поволжья, отмечали, что в городах святочное ряженье «рассматривалось как одна из главных и самых любимых святочных забав “простонародья”, “низшего класса” – мещан, мелких купцов и части чиновников» (Зорин и др., 2000: 157-158).

Несмотря на то, что даже в 1896 г. ряженые были привычным явлением на городских улицах и «во многих домах были принимаемы радушно как забавники и танцоры» (Хроника, 1896а: 2), автор фельетона 1877 г. констатировал, что «год от году ряды этих странствующих масок редеют», а «путешествующие со звездой и представляющие на дому “царя Максимилиана” совершенно исчезли». Эти представления сохранялись «на импровизированных солдатских сценах в казармах и доставляют великое удовольствие простонародной публике, любительнице подобных зрелищ» (Барбачев, 1877: 2).

В основе сюжета рождественской народной пьесы «Царь Максимилиан» лежал конфликт между жестоким царем Максимилианом, поклоняющимся идолам, и его сыном Адольфом (или Адонисом), который тайно принял христианскую веру и отказывался от нее отречься. Вероятно, жители города все же постепенно обособливались от традиционной крестьянской культуры, тяготеющей к подобным представлениям.

Как отмечал оренбургский фельетонист, рождественские торжества обычно начинались «самым христианским образом» с *визита славильщиков*: «- “Прикажете прославить”? ... Этим вопросом, в особенности в “среднем кругу” сегодня многие были разбужены. За ним, не ожидая ответа, вопрошавший затягивал “Христос рождается, славите”...». Затем наставала пора детских елок и гаданий. «Далее – балы, маскарады, ряженье в “чертовые хари” и в конце концов купанье в крещенской проруби с целью смыть священными водами Иордана маскарадную греховность» (Барбачев, 1877: 1). В итоге период от Рождества до Крещения вмещал в себя как православные традиции, так и языческие ритуалы.

Перечисляемые журналистом местные «святочные удовольствия» включали в себя также *разнообразные гадания* – литье в снег растопленного воска и олова, гадание по комьям снега и пр. Последняя «чара» заключалась в том, что с улицы приносили ком снега и рассматривали его на предмет наличия в нем волоса, цвет которого и должен был определить цвет волос будущего суженого или суженой. Упоминались также гадание «в зеркало, в уединенной комнате, при двух свечах, без креста на шее; беганье на перекресток с целью спросить первого встречного или встречную об имени». Можно было сбегать в домашнюю баню и, выставив через оконную раму наружу спину, ожидать: погладит ли ее кто-то в мохнатой рукавице или огреет нагайкой; первый случай предсказывал супруга «нрава ласкового и кроткого, а второй – резкого и крутого». Можно было также налить в таз воды, оклеить его края билетиками с женскими или мужскими именами, взмутить воду и, пустив лодочку из скорлупы грецкого ореха с зажженным огарком восковой свечки, узнать имя будущих невесты или жениха, написанное на загоревшемся билетике (Барбачев, 1877: 2).

О традиционных вариантах святочных гаданий писал и Кривощёков. По его словам, гадать можно было «петухом и курицей» (по взаимодействию птиц между собой и их интересу к воде и зерну предсказывали характер будущей семейной жизни), литьем в воду воска или сырого яйца (по форме вылитого определяли грядущее), «зеркалом по месяцу» (по числу отражений луны в зеркальце

определяли будущее число детей и число душ в семье мужа), «лазаньем в дугу» (девушка, которая с завязанными глазами пролезала в поставленную в снег дугу, не уронив ее, должна была вскоре выйти замуж), бросанием валенок через ворота, «бастриком», «хлебом», «камнями», «тараканами» и пр. (Кривощёков, 1915: 195-201). Именно канун Нового года и крещенский Сочельник казаки считали особенно удачным для гадания временем, хотя ворожба происходила почти каждый вечер в течение всех Святков. А. Н. Зорин и его соавторы отмечали, что гаданиями занимались люди любого пола и возраста, холостые, семейные и даже вдовы. Гадания были распространены «во всех слоях городского общества, в одиночку и компаниями, во время вечеринок, вперемешку с другими забавами и в виде особого действия» (Зорин и др., 2000: 164).

Ряженые, славильщики, гадающие – этот комплекс святочных увеселений горожан, по мнению авторов одного из исследований (с которыми следует согласиться), был абсолютно идентичен аналогичным сельским забавам и может быть отнесен к «традиционным». Присутствие этого комплекса в городской повседневности «ясно свидетельствует о неразрывной связи праздничного быта горожан с русской этнической традицией» (Зорин и др., 2000: 170-171). В то же время, в городах, помимо указанных народных вариантов организации праздничного досуга, существовали и другие, более сложные формы досуговой повседневности – балы, маскарады, елки, посещение театров и музыкальных представлений и пр.

Зимние праздники оренбургская публика проводила весьма оживленно. По словам фельетонистов, «самый канун нового года, праздник чисто семейный, привлекает в залы [общественного – Е.Б.] собрания целые сотни семейных людей, желающих во что бы то ни стало похоронить старый и встретить новый год в обществе» (Nemo, 1876a: 1). К началу XX в. репертуар праздничных мероприятий немного изменился. Праздничные развлечения в 1904 г., как писала оренбургская пресса, «имели клубный и театральный характер: елки, вечера и спектакли, в училищах, в домах, в собраниях и в театрах – городском и народного дома. Была елка для учащихся и в залах городской управы с чтением и пением детей» (Хроника, 1904b: 2). Таким образом, происходила постепенная эволюция праздничных традиций – от массовых народных ритуалов, включающих в себя гостевание, прием славильщиков и ряженых, «чары и гадания», представители оренбургского городского социума переходили к более «цивилизованным» и корпоративным вариантам праздничного отдыха, предполагающим интеллектуальный культурный досуг (спектакли) и благотворительные мероприятия.

Насыщенность и частота рождественско-новогодних торжеств, в первую очередь, зависели от «характера» года – в период неурожая или эпидемий накал празднеств естественным образом снижался, зато в добрые годы оренбургская публика с удовольствием погружалась в праздничную суету. Так, например, 1891 год был встречен в городе очень тихо. «Общественные классы городского населения словно кризис какой-то переживают и веселились с оглядкой. Даже простой народ ликовал как будто меньше прежнего...» (Хроника, 1891: 3). Журналисты констатировали, что «оживление последует не раньше урожая», поскольку успехи оренбургской экономики максимально зависели от благополучия земледелия и скотоводства. К сожалению, год оказался неурожайным, что привело к продовольственному кризису 1891–1892 гг. А вот празднование Рождественских Святков в 1899 г. должно было пройти, по мнению оренбургских журналистов, «веселее, чем в прошлом году, благодаря удовлетворительному хозяйственному положению края» (Хроника, 1899c: 3).

В январе 1896 г. журналист «Оренбургского листка» констатировал, что «Праздничные увеселения в этом сезоне выдавались из ряда прежних годов». «Отдохнувший после бедствий неурожая народ веселился, как умел». Особенно популярными оказались елки, которые устраивались даже в приютах, солдатских казармах и в больницах. Елки в учебных заведениях сопровождалась разнообразными развлекательными программами. Так, например, в 1-м Кадетском корпусе выступил оркестр самих кадетов, а обучающиеся исполнили «характерные танцы» - лезгинку и гопак (Хроника, 1896a: 2). Разнообразные варианты проведения детских елок наши отражение на страницах одной из монографий автора статьи (Абдрахманова, Бурлуцкая, 2024: 85-94).

В то же время, автор заметки называл елки «национально немецким праздничным развлечением», удивлялся обилию «молодого фойника» [хвойника – авт.] – сосенок и елочек – на городских площадях, а также ценам на эти праздничные деревья, которые достигали 3 рублей только лишь за веточку. «Усиленное предложение указывает на усилившийся спрос» (Хроника, 1896a: 2), – констатировал журналист. Мы же можем сделать вывод о том, что традиция украшения елок к Рождеству или Новому году в Оренбурге даже в конце XIX в. еще не вошла в обывательскую привычку. Однако уже в начале XX столетия елки в декабре стали ходовым товаром. «Оренбургский листок» в 1903 г. писал: «Елок (фойных деревьев) навезено много; сосенками и елью укутаны все свободные места на базарах» (Хроника, 1903: 3).

«Елки вошли здесь в обычай, и теперь где только их не устраивают! – писал журналист «Оренбургского листка» в 1898 г. – Была елка даже для батальонных солдат в казармах. Зелень елки ли сосенки, как символ жизни вечной, одинаково радует взрослых, как восхищает детей. Помпезно устраиваются здесь елки, особенно в кадетских корпусах, в женском институте и благотворительные елки в [общественном – Е.Б.] собрании» (Хроника, 1898a: 3).

Символы праздника, естественно, требовали разнообразных украшений. «Для елки большой выбор бонбоньерок, хлопушек, игрушек и украшений», – сообщал магазин Малышева и К° (*Оренбургский листок*, 1876: 1). «В чайном магазине А. Н. Захо получен большой выбор елочных принадлежностей и конфет» (*Оренбургский листок*, 1877: 1), – гласило другое объявление. «В лавке Ануфриевой» тоже имелся большой выбор елочных украшений (*Листок...*, 1889: 1).

Торговый дом «Павел Ишков с С-ми» в 1908 г. советовал: «Не покупайте нигде елочных украшений, не посмотревши в нашем магазине». Предприниматель обещал более 20 тыс. разнообразных предметов для украшения новогоднего дерева, а также целые коллекции игрушек стоимостью от 3 до 10 руб. и выше. Предлагался большой выбор «хлопушек ударных, сюрпризных и с костюмами, елочная карамелевка в пышной и цветной обертке» и разнообразные пряники (*Оренбургская газета*, 1908а: 4).

«Детский мир» Ан. Вейнбаума предлагал «полные наборы» для елок от 1 рубля и бесплатный сюрприз при каждом наборе. Также можно было выбрать разнообразные подарки «для школ и учреждений» от 5 коп., конфетти, серпантин, маски и «усы» (*Оренбургская газета*, 1908b: 4). Елочные украшения продавал и магазин А. В. Сачкова. Стоимость коллекций варьировалась от 1 до 10 р. была обещана скидка в 10 %. Кроме того, к каждой коллекции прилагался бесплатный календарь (*Оренбургская газета*, 1908с: 6).

«Громадный, изящный выбор елочных украшений» предлагал аптекарский магазин «Помощь», расположенный на Толкучем рынке возле магазина Ишкова. Цены обещались «дешевле всех». Кроме того, покупателям гарантировалась «премия» – детские игрушки, зеркала и пр. (*Оренбургская газета*, 1908d: 6).

Не забывали оренбургские предприниматели и о подарках к Рождеству и Новому году. Магазин «Посуда и лампы», открывшийся на Гостинодворской улице (совр. ул. Кирова) рядом с Николаевской аптекой, предлагал к рождественским праздникам новую партию керосиновых ламп – «столовых и висячих, последних фасонов и рисунков», а также другие «изящные вещи» для подарков (*Оренбургская газета*, 1910b: 4).

В крещенский Сочельник (вечером и ночью с 5 на 6 января) все рестораны, театры и кинематографы традиционно закрывались. *Крестный ход на Иордань* 6 января по старому стилю (19 января – по новому), которую обыкновенно устраивали напротив губернаторского дома, вызывал большой интерес. Как отмечали журналисты, желающих «принять холодные очистительные ванны от скверны бесовские было много, но, благодаря распорядительности полиции, купанье это не состоялось» (*Хроника*, 1889: 2). В 1913 г. 6 января состоялся «Крещенский парад». Во Введенскую церковь, расположенную на берегу Урала, были принесены полковые знамена Ларго-Кагульского полка. По окончании литургии знамена были вынесены из храма и с крестным ходом вынесены на реку. Там же расположились полки Оренбургского гарнизона. При погружении креста в воду был произведен 21 выстрел (*Хроника*, 1913: 2).

Излюбленным и новогодним, и масленичным развлечением было *катание на лошадях* по главным городским улицам. По словам автора городской хроники, ежедневно, с 3-4 часов дня «густой и бесконечной вереницей шагом тянулись сани, запряженные красивыми лошадьми и нагруженные разряженными красавицами из слободок» – своеобразная «выставка “выездов” и “закладок”» (*Хроника*, 1896a: 2). Сытые рысаки катали своих владельцев и владелиц, изрядно разодетых, по Большой улице (совр. ул. Советская), «на которой от езды снег превратился в бурый песок», а люди победнее, попроще и поскромнее, «отдавая дань суетному обычаю, катались по боковым улицам» (*Хроника*, 1898с: 2).

А.И. Кривощёков писал, что практически у всех имущих казаков имелись «городские сани», в которые впрягалась лучшая лошадь. В катаньях принимала участие преимущественно молодежь – «ездила верхом, с гиком и свистом, на всем карьере». Люди средних лет выезжали «редко и большею частью под пьяную руку, компаниею» (*Кривощёков*, 1915: 195). Главными участниками катаний на Масленицу были «молодые» (молодожены) и «женихи с невестами» (помолвленные) (*Кривощёков*, 1915: 201).

В 1904 г. новогодние катания «на рысаках» были мало востребованы из-за морозов, достигавших -29°R (ниже -36°C) (*Хроника*, 1904b: 2). На Масленицу же, когда морозы стихли, катания достигли своего апогея. Наиболее «эффектную картину» представляло катание институток. Десятки саней, запряженных тройками в нарядной сбруе, ездил по улицам цугом, «и любо было глядеть на счастливые личики девиц, нарумяненных свежим воздухом». В каждых санях сидело по 5-6 учениц с дамами. «Были сани даже роскошно отделанные: это любезность богатых родителей и купцов» (*Хроника*, 1904с: 4). Практически все авторы, упоминающие о данном виде зимних развлечений, отмечали, что для владельцев лошадей подобные выезды были демонстрацией зажиточности, богатства нарядов и удали коней.

А.И. Кривощёков подробно описал и такую казачью забаву, как *взятие Снежного городка* на Масленицу. Штурму снежного городка предшествовали другие состязания «военного характера»: скачки и соревнования во владении шашками и пиками, джигитовка, бег в мешках, борьба на гладком горизонтальном бревне и пр. (*Кривощёков*, 1915: 204). На Форштадтской площади из снега

строился сужающийся столб высотой в 8–10 аршин (6–7 м.) в диаметре у основания – 4–5 аршин (3–3,5 м.). Стены столба примерно на 2/3 высоты делались абсолютно отвесными, гладкими и ровными. На вершине ставился флаг. Вокруг возводилась стена из снега высотой в 1/2 – 3 аршина. Внутри, за этим валом располагались защитники городка, вооруженные ружьями, заряженными холостыми патронами и старинной медной пушкой. На вершине городка, «обняв древко флага и свесив ноги, сидит сам “турецкий паша”, с обмотанною белым полотенцем шапкою, изображающий чалму, одетый в пестрый бухарский халат» (Кривощёков, 1915: 207-208). Штурмующие на лошадях пытались прорваться через стену.

Затем следовало взобраться на снеговую вышку и вырвать у «паши» знамя. Подниматься по ледяной стене приходилось, подтягиваясь на руках, с помощью тонких заостренных колышек, которые всаживали в затвердевший снег. После взятия большого городка наступала очередь «школьников», сражающихся за аналогичный маленький городок (Кривощёков, 1915: 208-209). По словам журналиста «Оренбургского листка» на Масленицу 1899 г. «... праздный люд веселился, и улицы прогуливающимися были полны. Особенное оживление было ... на форштадтской площади, когда казаки и казачата брали штурмом снеговые городки, а также на льду, на беге скакового общества» (Хроника, 1899b: 2).

И «Крещенский парад», и взятие Снежного городка были явлениями военизированной повседневности Оренбурга. Наличие в городе большого числа солдат, офицеров, казаков, воспитанников военных училищ зачастую придавало городской праздничной жизни ярко выраженный плац-парадный характер.

Однако и гражданские забавы в Оренбурге были весьма востребованы. В Коммерческом собрании в течение января-февраля давались традиционные *маскарады*. Так, в 1892 г. в собрании были назначены на 19 и 26 января – членские маскарады, 2 февраля – семейный вечер с танцами, 9 февраля – костюмированный вечер, 11 февраля – вольный маскарад, 13 февраля – детский вечер, 14 февраля – «блины по подписке» и 15 февраля – членский маскарад. «При блинах» играл оркестр (Оренбургский листок, 1892b: 1). Танцы обычно начинались с 10 часов вечера (Оренбургский листок, 1889: 1).

В первый день 1898 г. в Коммерческом собрании состоялся костюмированный вечер. Танцевали «оживленно и много». Золотыми жетонами были отмечены костюмы: «чертополох» m-lle Федоровой; костюм, изображавший положение современной прессы г-жи Бауэр Большаковой; мужской костюм трефового короля «из карт, мелков, шеточек, пашек, бильярда, домино, костей и пр.» К. А. Заранека и костюм «русско-французской пары» Ольги Эдуардовны Эстеррейх (супруги руководителя оренбургского казачьего оркестра Георгия Францевича Эстеррейха) и купца Смочилина (Хроника, 1898b: 3).

На костюмированном вечере в Коммерческом собрании 7 февраля 1899 г. настоящий фурор произвел костюм «реклама» или «пресса». Он состоял «из бумажного фрака и таких же панталонов и составлен был из различных объявлений, преимущественно о подписке на разные журналы и газеты. На голове шапка в виде крыши, в трубу которой вылетает издававшаяся когда-то в Оренбурге “Тургайская Газета”, через плечо две ленты с надписями: на одной “за ненадобностью продается газетная бумага”, а на другой – “электричество в темные ночи гореть не будет”» (Хроника, 1899a: 4).

Аналогичные мероприятия проходили и в Общественном собрании. Маскарад 9 февраля 1876 г. собрал неожиданно большое число участников. Женщины допускались на него исключительно в масках (при этом «дамские» билеты были бесплатными), мужчины же могли быть без масок, но должны были заплатить за вход 1 р. Событие нашло отражение в газетном фельетоне, автор которого акцентировал внимание на том, что удовольствие, «доставляемое маскарадом, обуславливается непринужденною беседою масок с кавалерами, возможностью для первых интриговать, и не быть узанными, а для вторых быть интригуемыми и заинтересованными, и наконец полным сохранением маскарадной тайны во все продолжение маскарада» (Nemo, 1876b: 2).

При этом прибывшие на маскарад 9 февраля маски «в огромном большинстве не были намерены интриговать кого бы то ни было, что, действительно, и не было для них возможно, так как каждую из них узнавали чуть ли не с первого шага все знакомые, а кто не узнавал, то разве потому, что лень было спросить того или другого из бывших в зале мужчин». Танцевать в маске было «жарко, интриговать под ней некого, сидеть в ней, не танцуя, скучно, смотреть неловко – одним словом “никем не мучими сами ся мучаху”» (Nemo, 1876b: 2).

Загадку того, кто скрывается под маской, действительно было практически невозможно долго сохранять неразгаданной. «В Оренбурге интриговать?! Помилуйте! Что и про кого в этой боготерпимой столице степей неизвестно всем и каждому?», - писал журналист. «Бегают эти бедные барыни, после каждого сеанса в уборную, меняют там банты, подправляют и пудрят волосы и не успевают вернуться в зал, как их первый же знакомый приветствует по имени и отчеству» (Nemo, 1876b: 2).

Карнавал, устроенный 2 января 1900 г. в Общественном собрании Оренбурга, обошелся вовсе без «характерных» костюмов. Было несколько костюмов «традиционных» – татарки, цыганки, китайки и пр. – и «Арлекин» («половина женщины, половина мужчины») (Хроника, 1900: 2).

В связи с наступлением нового века было устроено своеобразное шествие, которое, по мнению журналистов, «было красиво, но аншлаги на хоругвях не блестели остроумием и даже грешили по части русской орфографии» (Хроника, 1900: 2). Зал был украшен елками и флагами и в электрическом свете выглядел весьма эффектно.

Способы украшения праздничных пространств зависели от финансовых ресурсов и вкусов организаторов, а также от технических возможностей помещения. Так, например, в 1897 г. в Оренбурге было создано «Общество любителей художеств». Общество должно было объединять любителей рисования, живописи и валяния, способствовать их общению и совместным занятиям этими искусствами. Впоследствии общество должно содействовать устройству в г. Оренбурге рисовальной школы и художественно-промышленного музея. 25 февраля 1899 г. в зале Общественного собрания состоялся костюмированный вечер этого общества. Залы собрания были богато декорированы «частью в стиле рококо, частью в смешанном виньеточном вкусе».

В большом зале с срединной потолка спускался «шатер из желтых панно, расписанных красками». На стенах между расписанными пилястрами, тоже были развешены панно, «из которых два больших голубого цвета, были особенно эффектны – маски, палитры, амур, фигуры, бабочки и пр.». Гостиная, убранная растениями, гипсовыми бюстами, группами, масками, была освещена дуговыми фонарями «лунного цвета». В столовой, перед огромной декорацией, изображающей лес, был устроен грандиозный фонтан цветов с фигурой Венеры наверху. «Фонтан сверху донизу покрытый цветочными гирляндами, сам по себе чрезвычайно художественно написанный и унизанный массой электрических лампочек, представлял эффектную картину. Вся столовая была богато декорирована, также, как и зала, мелкими панно, полумасками, карикатурами. Очень картинна была фигура рыцаря на бочке, очевидно верного слуги Бахуса; в одном из углов столовой была поставлена чрезвычайно красивая декорация русского терема» (Хроника, 1899b: 2). Рококо, классицизм и псевдорусский стиль слились здесь воедино, чтобы поразить воображение празднующих.

Карнавальные костюмы в Оренбурге можно было сшить самостоятельно или приобрести в специальном магазине. Так, г-н Городецкий сообщал, что «с 26-го декабря ... будут отдаваться костюмы для замаскирования в самом большом выборе и по самым дешевым ценам на Николаевской улице в доме купца Каретникова» (Оренбургский листок, 1876: 4). В цирке Г-жи Вольф костюмы для маскарадов можно было получать напрокат: «сербские, арабские, турецкие, комические, черногорские, пейзажные, разбойнические, индейские, польские и разные национальные костюмы обоего пола. Цена за вечер по 2 р.» (Оренбургский листок, 1877: 4).

Уже упоминаемый ранее иллюстрированный дамский модный журнал «Новый “Русский базар”» в 1881 г., описывая маскарадные костюмы, представленные на «парижской раскрашенной модной картинке», детально останавливался на некоторых из них. Так, костюм «Нарядная венгерка» предполагал использование атласа, бархата, кружева, золотой бахромы и золотых шнуров и даже соболиного меха (Приложение, 1881: 1). Перечень используемых тканей и отделок дает возможность хотя бы приблизительно понять стоимость данных маскарадных одеяний. Так что маскарад был делом не только хлопотным, но и весьма дорогим. В этой связи, для того, чтобы праздничные увеселения стали доступными для большего числа горожан, 19 февраля 1881 г. в зале коммерческого собрания был дан «ситцевый вечер». Предполагалось, что на этом мероприятии дамы должны были появляться в ситцевых платьях. Те же, кто приходил на бал в бархатных или шерстяных туалетах, по идее, должны были платить штраф «в пользу бедных». Однако, большая часть публики из дам все же прибыла в бальных платьях, при этом о штрафах так никто и не вспомнил (Л. И-в, 1891: 2).

Любовь оренбургских дам к дорогим и красивым нарядам произрастала еще из губернаторства В.А. Перовского, баловавшего местных барышень, как своим вниманием, так и практически столичным размахом развлечений для аристократии (Бурлуцкая, 2019). По словам А.Н. Плещеева, описывающего в повести «Пашинцев» бал времен Перовского в Оренбурге-Ухабинске, даже самый «придирчивый столичный фронт, окинув пытливым взором это многолюдное общество, сквозь вставленную в глаз лорнетку, не нашел бы ничего провинциального, отсталого; от всего веяло модой, утонченным вкусом, знакомством с столицей ...» (Плещеев, 1897: 54).

С конца XIX в. все более значительная часть зимних развлекательных мероприятий (балов и маскарадов) стала даваться в пользу каких-либо нуждающихся – учащих или обитателей приютов. Так, например, 22 января 1910 г. в Общественном собрании концерт-спектакль артиста Императорских театров, баритона П.Д. Орлова, сопрано М.М. Корвин-Коссаковской и пианистки Ф.А. Дюрсен с последующим балом прошли в пользу «недостаточных учеников Оренбургского реального училища» (Оренбургская газета, 1910c: 2). А бал в Общественном собрании, объявленный на 30 января 1910 г., устраивался в пользу детских приютов А.Ф. Ожаровской, попечительницей детских приютов ведомства учреждений императрицы Марии. Во время бала должна была разыгрываться «Статуя “Юность”» – подарок императрицы Марии Федоровны (Оренбургская газета, 1910d: 1). Участие в таких благотворительных мероприятиях позволяло горожанам не только ярко провести досуг, но и почувствовать себя частью «правильного» городского сообщества, оказывающего помощь ближнему, проявляющего заботу о нуждающихся.

«Лакейские балы», введенные в обиход жителей Оренбурга еще военным губернатором В.А. Перовским, изначально проводились 25 декабря в зале Общественного собрания. Однако к концу столетия аналогичные вечера стали проводиться и в городском театре, и в ресторане Белова, и в Коммерческом собрании (Хроника, 1899с: 4). На столь длительное существование в Оренбурге подобных праздничных развлечений, по-видимому, влиял большой процент модисток, белошвеек, горничных, лакеев, швейцаров и других представителей сферы услуг в городском социуме.

Вечерние мероприятия и развлечения заставляли оренбургских дам уделять колоссальное внимание своему внешнему виду. Бальный сезон требовал от участников регулярного обновления туалетов, для чего оренбургские магазины предоставляли весьма широкий ассортимент необходимых вещей. Так универсальный магазин Леска предлагал для этих целей «отделку блестками и платья, тюлевые блузки, перчатки, веера» (Оренбургская газета, 1910е: 4). Полагаем, что высказанное Е.Ю. Казаковой-Апкариковой в одной из публикаций мнение о том, что общественные балы на рубеже XIX–XX вв. в уральской провинции испытывали на себе влияние демократизации и либерализации, отличались от подобных развлечений более раннего времени меньшей регламентацией, менее выраженными парадностью и церемониальностью (Казакова-Апкарикова, 2010: 83), не может быть в полной мере применимо к Оренбургу, высшее городское сообщество которого было крайне чувствительно к своему внешнему виду. Данное обстоятельство подчеркивали многие побывавшие в Оренбурге персоны. Помимо уже упоминаемого ранее А.Н. Плещеева, об этом писал и М. Михайлов: «Известно, что провинциальные города вообще страдают роскошью и изысканностью женских нарядов, но Оренбург, как центр военного и гражданского управления краем и, притом, как резиденция генерал-губернатора, подвержен этой мании в превосходной степени» (Михайлов, 1866: 38-39).

Вообще время от Рождества до Масленицы было временем наибольшего напряжения для всех причастных к созданию модного внешнего облика и организации праздников. Как с иронией писал женский журнал «Новый Русский Базар», поговаривали, что «один из модных куаферов, известный по своей изобретательности разнообразных дамских причесок, от сильного умственного напряжения немного свихнулся и на время помещен в больницу Св. Николая. По слухам с одним из бальных капельмейстеров сделалась пляска Св. Витта. В какой-то мастерской для изготовления нарядов к швейным машинам был приспособлен паровой двигатель» (Кружевная маркиза, 1885: 56).

К бальному наряду полагалось иметь соответствующее лицо, создаваемое посредством декоративной косметики. Оренбургская пресса реагировала на это следующим образом: «— Черт знает, говорил мне этот юнец, как вечернее освещение меняет физиономии. Утром еще я видел в магазине M-me N., бледную, желтую с синими губами, а вчера встречаю ее на вечере розовую, белую с алыми губами, Удивительные создания женщины: как они умеют перерождаться. Двух моих знакомых так поверите-ли, совсем не узнал, ей богу: другое лицо, ну как есть другое лицо» (Nemo, 1876с: 1).

Зимний мясоед – период с Рождества до предпоследнего воскресенья перед Великим постом – был временем, когда традиционно молодежь *подыскивала себе спутника жизни*. Незамужние девицы и холостяки прогуливались по главной улице города – Большой (Николаевской), подыскивая себе пару. Уже упоминаемый ранее «Дядя Пахом» в своем «Раёшнике» отмечал эту традицию следующим образом: «Вот теперь мясоед в самом разгаре, все невесты в угаре, турнюрами вертят, замуж хотят. Уж больно девки наши модны, по три дня сидят голодны, как бы только турнюр надеть попышнее да вырядиться почуднее. [...] А вот и форштадтские невесты, тоже не найдут себе места. Шляпки тоже надевают, турнюры подмощают из сена, да из рогожи; довольны, что хоть снаружи по одежде на барышень похожи. По тротуару рыщут, женихов ищут, по-модному одеваются, за женихами гоняются, из всех сил стараются поймать женихов, непременно офицеров, храбрых кавалеров. Только офицеры женихи не совсем-таки простаки, тоже ловки, знают девичьи уловки, на удочку редко попадаются, все, вишь, о приданом справляются. Приданого-ж у невест мало, капиталов не бывало, а с имения дохода на хлеб да на воду, сундуки приданым не густы, в красоте тоже изъязн, не обойтись без белил да румян, чтобы подновить образины, замазывать морщины» (Дядя Пахом, 1889а: 2). Сколько информации о повседневном в этом отрывке! Тут и про женскую моду, и про модные ухищрения девушек из низших городских слоев.

Про турнюры из сена Дядя Пахом даже сложил стихотворение «Беда с турнюром»: «Смотрите, вон модисточки

По улице спешат  
И меж собой превесело  
Болтают, говорят.

Но только грех немаленький  
С одной случился тут:  
С сенцом турнюрчик шлепнулся,  
И красоте капут» (Дядя Пахом, 1889б: 2).

Публика, более склонная к спортивному, нежели к праздному образу жизни, в период зимних праздников развлекала себя *катанием на коньках*. Катков в Оренбурге делалось несколько – на набережной Урала близ вокзала-ресторана Белова, на Марсовом поле, во дворе Дворянского (Общественного) собрания, возле Петропавловской церкви. На катках играла музыка. Вход составлял 15 коп. (для учащихся – 10 коп.) (Листок..., 1892: 2).

На катке Ренка 20 января 1892 г. состоялись конькобежные соревнования с призовым фондом. Желающие могли обратиться за справками об условиях бега «в теплушку на катке», записаться там и заплатить два рубля в качестве взноса. Призами служили: «1) ЖЕТОН золотой, эмблематический; 2) КОНЬКИ американские, беговые; 3) БОКАЛ серебряный. Приза конькобежцам присудит особое постороннее жюри» (Оренбургский листок, 1892а: 4).

Сам содержатель катка, О. И. Ренко в письме в редакцию «Оренбургского листка» во-первых акцентировал внимание читателей на том, что «зимний каток не лишняя затея в городе Оренбурге. Это – зимняя гимнастика». На катке «чистым воздухом и свободными гимнастическими телодвижениями» могла воспользоваться учащаяся молодежь. Во-вторых, автор сетовал на невнимание оренбургской публики и скепсис Городской управы к этому зимнему развлечению. В-третьих, Ренко описывал ход и итог конькобежных состязаний.

Явилось всего 4 человека, которым бежать предстояло версту (9 кругов, чуть больше километра). Предполагалось, что данное расстояние конькобежцы преодолеют не более, чем за три минуты, однако такой результат не показал никто. Тем не менее, трое лучших были определены, призы были выданы. Также были анонсированы еще два аналогичных забега на Масленицу (Ренко, 1892: 3).

Проводились даже детские бега! На катке у церкви Св. Петра и Павла 10 января 1910 г. были устроены детские конькобежные соревнования. Участникам предстояло преодолеть около версты – 5 кругов вокруг катка. Бежали пятью группами по 6 человек, а победителей определила «перебежка» в три круга. Победителями стали «Алекс. Митин, Владим. Кузьмин и Ив. Щербаков». Однако соревнование проводилось без музыки, из-за чего детей было немного (Местная хроника, 1910 b: 3).

Традиционными для начала зимы были и *гастроли заезжих артистов*. Залы заполняла оренбургская публика, желающая познакомиться с творчеством столичных мастеров искусств. В период масленичных празднеств с 20 по 26 февраля 1894 г. Оренбург посетила капелла Дмитрия Александровича Славянского. Дмитрий Александрович Агрнев-Славянский – вокалист, хоровой дирижер, собиратель народных песен – выступил в Общественном собрании. Капелла была одета «в старинные боярские костюмы бояр, рынд и служилых людей XVII века» (Листок..., 1894: 2).

В январе 1896 г. оренбургская публика в том же зале могла послушать «концерт-спектакль» при участии «известной артистки русской оперы» меццо-сопрано саратовской оперной труппы Е. К. Дигби и артиста Императорских московских театров К. В. Корсака (Оренбургский листок, 1896: 1). В 1897 г. Оренбург посетили «артист Императорских театров», драматический тенор Н.А. Преображенский и «артист Московских театров», баритон З. М. Кателли (Оренбургский листок, 1897: 1). Вообще театральная жизнь в Оренбурге два первых месяца года обычно была весьма насыщенной, поскольку после масленичных гуляний, во время Великого поста интерес к театру заметно снижался, и антрепренеры старались выжать все возможное из публики именно за январь-февраль.

Цирк на протяжении второй половины XIX – начала XX в. был одним из наиболее любимых и популярных вариантов городского общественного досуга. Трюковое «искусство действия» было понятно большинству горожан. Однако и в этом жанре городского досуга наметились изменения – от простой демонстрации силы и ловкости цирковые антрепренеры постепенно переходили к своеобразным «образовательным» программам. Так, цирк г-жи Вольф в 1877 г. с 25 декабря обещал дневные и вечерние представления, а также «академические живые картины из римско-греческой истории и мифологии» (Оренбургский листок, 1877: 4). Цирк Э. Стракай, работавший в Оренбурге в 1903–1904 гг., представил в Новый год пантомиму по сказке «Сандрильона» или «Золушка – хрустальный башмачок». «Эффектная феерия», в которой принимали участие более 80 детей, запомнилась «исторически верными костюмами», а также любопытным перечнем исторических персонажей, которые явились на сказочный бал принца – «китайская вдовствующая императрица (в носилках, конечно), английский король Эдуард VII, австрийский император Франц Иосиф, президенты Крюгер и Лубэ, турецкий император, персидский шах, император германский Вильгельм II, бухарский эмир, болгарский князь Фердинанд, князь черногорский, король сербский, король румынский и многие из исторических знаменитостей, даже умершие, с того света явились на бал: Наполеон I, Бисмарк и “белый генерал” Скобелев» (Хроника, 1904а: 1-2).

В самом конце XIX столетия в Оренбурге появилось новое развлечение – *кинематограф*. Однако, как отмечала газета «Оренбургский листок», «движущиеся фотографии хороши, глядеть их некому». Демонстрация «живых картин» в городском театре и в общественном собрании была слишком дорогим удовольствием, что снижало интерес публики к этим «оптическим фокусам» (Хроника, 1896b: 4).

Тем не менее, в начале XX столетия кинематограф уже прочно вошел в повседневность оренбуржцев. «Оренбургская газета» констатировала: «Развившаяся конкуренция привела к тому,

что владельцы биоскопов стараются в подборе картин друг перед другом. В театре «Как в Париже» демонстрировалась в эти дни прекрасная картина «Боярин Орша», сюжет которой заимствован из Лермонтова. В «Идеале» очень интересны по сюжету и по исполнению «Симана», «Фиорелла» и «Ловля рыбы». В «Электро-Биоскопе» замечательный фотографический снимок «Крещенского водосвятия». Очень интересна и картина «Роман наездницы». Все синематографы полны народа, особенно в праздничные дни» (*Местная хроника, 1910а: 2*).

Если проанализировать объявления, размещенные на первой странице одного из первых номеров «Оренбургской газеты» за 1910 г., то можно констатировать, что у оренбургской публики была масса самых разнообразных возможностей для того, чтобы приятно провести начало зимы. Так, в городском театре 6 января давали две драмы – утреннюю (в 12:30) и вечернюю (в 20:00). В Народном доме – еще одну драму в 8 часов вечера.

В Американской гостинице ежедневно с 9 часов вечера давались концерты Венского салонного оркестра под управлением Оскара Малюшко. Предлагался «колоссальный репертуар всех наилучших русских (классических и модных) композиторов», несколько солистов и ежедневную смену программы. Ресторан «Коммерческий» П. А. Жарова предлагал во время обеда (с 14 до 17 часов) и ужина (с 9 часов вечера до 2 часов ночи) послушать «великолепный салонный дамский оркестр под управлением М.П. Михайлова-Вулих. Гостям предлагался буфет, снабженный «русскими и заграничными винами лучших фирм» и кухню «под наблюдением опытного кулинара».

Общественное собрание 6 января давало благотворительный спектакль-концерт в пользу недостаточных учеников Оренбургского реального училища с участием артиста императорских театров П.Д. Орлова, оперной певицы М.М. Корвин-Коссаковской и местной шансоньетки Ф.А. Дюре-Эн. В программе были арии из оперы Рубинштейна «Демон». По окончании анонсировались танцы.

Кинотеатр «Идеал» с 3 по 6 января предлагал «небывалую программу «Напрасная жертва или Убийство у подъезда. Носки. Результаты действия серной кислоты. Дочь лесника». Сеансы начинались в 4 часа дня (по праздникам – на два часа раньше), а репертуар менялся два раза в неделю. «Электро-биоскоп» на Николаевской предлагал программу, состоящую из лент «Маленький тряпичник», «Роман Лизетты», «Маркизет», «Рожа самоубийц», «Сундук новой горничной», «Бой быков в Барселоне». То есть за пару часов можно было посмотреть и драму, и триллер, и эротику, и нечто научно-популярное. Сеансы начинались в 5 часов вечера (по праздникам – в 14:00). Смена репертуара также происходила два раза в неделю. «Элегантный электротетра «Как в Париже»» сообщал о последних новинках кинематографа – «Поздняя слава. Океан у Сан-Люче. Похороны Леопольда II. Две компаньонки. Злоключения облагодетельствованного босяка. Удивительная кухня. Волшебное зеркало». Сеансы начинались в 16:00, а в праздничные дни – с часу дня. В фойе кинотеатра играл «оркестр бальной музыки» (*Оренбургская газета, 1910а: 1*).

В 1913 г. к уже названным местам отдыха добавились кинотеатры «Фурор» и «Олимп». А концертные программы можно было посетить в ресторанах «Эрмитаж», «Декаданс» и ресторане «Центральной гостиницы» (*Оренбургская газета, 1913: 1*).

## 5. Заключение

В целом, на основе анализа значительного массива региональной прессы можно утверждать, что на протяжении последней четверти XIX – первого десятилетия XX в. в Оренбурге происходила постепенная трансформация городской праздничной повседневности.

Если в начале изучаемого этапа праздничное бытие оренбуржцев в публичном пространстве в период от Рождества до Масленицы носило ярко выраженный фольклорный, народный смысл (ряженые, славильщики, гадания), то к началу XX столетия оно стало приобретать более европеизированный (елки), городской, эстетически обусловленный характер. Свободное время горожан все более наполнялось деятельностью, ориентированной не столько на традиции, сколько на восприятие, создание и переживание прекрасного (балы, маскарады), расширение кругозора, развитие эстетического вкуса и культуры (театральные постановки, концерты, кино). Горожане демонстрировали тягу не только к пассивному потреблению удовольствий, но и к собственному их созиданию – придумывали интересные маскарадные костюмы, занимались дизайном праздничных интерьеров, ставили школьные спектакли и т. д. Новые праздничные занятия обогащали внутренний мир, способствовали получению новых знаний, переводили в практическую плоскость представления о здоровом образе жизни (катание на коньках).

В то же время, специфический состав городского сообщества накладывал свой отпечаток на праздничную повседневность Оренбурга. Офицеры, солдаты и казаки привносили в нее элементы милитаризации (взятие снежного городка, военные парады на Крещение). Большой процент крестьянского, казачьего и купеческого (тоже, преимущественно, выходцев из крестьян) населения сохранял традиции праздничных катаний на санях. Наличие в городе значительного числа представителей стран Азии и близкое знакомство с ними практически всех категорий горожан находило отражение в тематике карнавальных костюмов. Существенный процент горожан, занятых в сфере услуг (горничные, модистки, камердинеры и пр.), вызвал к жизни такой вариант праздничного досуга, как «Лакейский бал», ежегодно проводимый в Оренбурге 25 декабря.

Еще одной особенностью оренбургской праздничной повседневности было максимально пристальное внимание женской части городского социума к своему внешнему виду – одежде и макияжу. Эта черта, с одной стороны, была обусловлена присутствием в городе столичных чиновников и офицеров, присланных сюда на службу, а также сложившимися во времена губернаторства В. А. Перовского досуговыми традициями оренбургской аристократии.

### Литература

- [Абдрахманова, Бурлуцкая, 2024](#) – *Абдрахманова Е.Н., Бурлуцкая Е.В.* Ребенок на рубеже столетий. Детская повседневность в Оренбурге второй половины XIX – начала XX в. Оренбург, 2024. 496 с.
- [Барбачев, 1877](#) – *Барбачев С.* Картинки с натуры // *Оренбургский листок*. 1877. № 52. 25 декабря. С. 1-2.
- [Бурлуцкая, 2019](#) – *Бурлуцкая Е.В.* Балы, маскарады и танцевальные вечера как варианты досуговой повседневности горожанок Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX в // *История повседневности*. 2019. № 3 (11). С. 68-79.
- [Бурлуцкая и др., 2020](#) – *Бурлуцкая Е.В., Абдрахманов К.А., Куренкова Ю.О. и др.* Повседневная жизнь провинциальной горожанки в пореформенной России (на материалах Оренбургской губернии второй половины XIX – начала XX века). Оренбург: Оренбургское книжное издательство имени Г.П. Донковцева, 2020. 472 с.
- [Дядя Пахом, 1889a](#) – *Дядя Пахом.* Раешник // *Оренбургский листок*. 1889. № 3. 15 января. С. 2.
- [Дядя Пахом, 1889b](#) – *Дядя Пахом.* Раешник // *Оренбургский листок*. 1889. № 5. 29 января. С. 2.
- [Зорин и др., 2000](#) – *Зорин А.Н., Зорин Н.В., Каплуновский А.П. и др.* Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск: Изд-во Средневожского научного центра, 2000. 601 с.
- [Казакова-Апкаримова, 2010](#) – *Казакова-Апкаримова Е.Ю.* Благородные собрания Перми и Екатеринбурга в XIX – начале XX в // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2010. № 2. С. 81-84.
- [Казакова-Апкаримова, 2018](#) – *Казакова-Апкаримова Е.Ю.* Формы городского досуга на Урале в начале XX в.: традиционализм и модернизм / *Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы международной научной конференции: в 2 тт.* Т. 1. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2018. С. 365-369.
- [Кискидосова, 2020](#) – *Кискидосова Т.А.* «Городская повседневность» в региональной периодике второй половины XIX – начала XX века: обзор современной историографии // *Гуманитарный вектор*. 2020. № 3. С. 73-81.
- [Кривощёков, 1915](#) – *Кривощёков А.И.* Обряды и обычаи оренбургских казаков // *Вестник Оренбургского учебного округа*. 1915. № 5. С. 183-210.
- [Кружевная маркиза, 1885](#) - *Кружевная маркиза.* Фельетон. Записки хорошенькой женщины // *Новый Русский Базар*. 1885. № 6. С. 55-56, 58.
- [Л. И-в, 1891](#) – *Л. И-в.* Фельетон // *Оренбургский листок*. 1891. № 9. 24 февраля. С. 2-4.
- [Листок, 1889](#) – Листок объявлений. Приложение к газете «Оренбургский листок». 1889. № 129. 16 декабря. С. 1.
- [Листок, 1892](#) – Листок объявлений. Приложение к газете «Оренбургский листок». 1892. № 1. 4 января. С. 2.
- [Листок..., 1894](#) – Листок объявлений. Приложение к газете «Оренбургский листок». 1894. № 7. 17 февраля. С. 2.
- [Маслова, 2013](#) – *Маслова И.В.* Изучение темы «социокультурная среда»: российский провинциальный город второй половины XIX – начала XX в. // *Преподавание истории и обществознания в школе*. 2013. № 7. С. 27-33.
- [Маслова, 2010](#) – *Маслова И.В.* Организация досуга и развлечений купечества уездных городов Вятской губернии в XIX начале XX века // *Известия РГПУ им. А. И. Герцена*. 2010. № 124. С. 62-71.
- [Местная хроника, 1910a](#) – Местная хроника // *Оренбургская газета*. 1910. № 8. 12 января. С. 2.
- [Местная хроника, 1910b](#) – Местная хроника // *Оренбургская газета*. 1910. № 9. 13 января. С. 3.
- [Микитюк, Яхно, 2014](#) – *Микитюк В.П., Яхно О.Н.* Повседневная жизнь Екатеринбурга на рубеже XIX–XX веков. Очерки городского быта. Екатеринбург: АМБ, 2014. 447 с.
- [Миненко и др., 2006](#) – *Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В.* Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 2006. 380 с.
- [Михайлов, 1866](#) – *Михайлов М.* Оренбургские письма для желающих ознакомиться с Оренбургом, Орском, Троицком, Фортom Александровским и дорогою через Киргизскую степь до Форта № 1. СПб.: тип. Н. Тиблен и Ко, 1866. 110 с.
- [Оренбургская газета, 1908a](#) – *Оренбургская газета*. 1908 № 263. 2 декабря. С. 4. Объявления.
- [Оренбургская газета, 1908b](#) – *Оренбургская газета*. 1908. № 264. 3 декабря. С. 4. Объявления.
- [Оренбургская газета, 1908c](#) – *Оренбургская газета*. 1908. № 268. 9 декабря. С. 5. Объявления.
- [Оренбургская газета, 1908d](#) – *Оренбургская газета*. 1908. № 273. 14 декабря. С. 6. Объявления.
- [Оренбургская газета, 1910a](#) – *Оренбургская газета*. 1910. № 3. 5 января. С. 1. Объявления.
- [Оренбургская газета, 1910b](#) – *Оренбургская газета*. 1910. № 11. 15 января. С. 4. Объявления.

- Оренбургская газета, 1910с – *Оренбургская газета*. 1910. № 15. 20 января. С. 2. Объявления.  
 Оренбургская газета, 1910d – *Оренбургская газета*. 1910. № 23. 29 января. С. 1. Объявления.  
 Оренбургская газета, 1910e – *Оренбургская газета*. 1910. № 25. 31 января. С. 4. Объявления.  
 Оренбургская газета, 1913 – *Оренбургская газета*. 1913. № 6. 8 января. С. 1. Объявления.  
 Оренбургский листок, 1876 – *Оренбургский листок*. 1876. № 52. 19 декабря. С. 1. Объявления.  
 Оренбургский листок, 1877 – *Оренбургский листок*. 1877. № 51. 18 декабря. С. 1. Объявления.  
 Оренбургский листок, 1889 – *Оренбургский листок*. 1889. № 3. 15 января. С. 1. Объявления.  
 Оренбургский листок, 1892a – *Оренбургский листок*. 1892. № 3. 12 января. С. 4. Объявления.  
 Оренбургский листок, 1892b – *Оренбургский листок*. 1892. № 4. 19 января. С. 1. Объявления.  
 Оренбургский листок, 1896 – *Оренбургский листок*. 1896. № 1. 7 января. С. 1. Объявления.  
 Оренбургский листок, 1897 – *Оренбургский листок*. 1897. № 7. 9 февраля. С. 1. Объявления.  
 Плещеев, 1897 – *Плещеев А.Н. Пашинцев / Повести и рассказы А.Н. Плещеева*. В 2 т. Т. 2. СПб.: изд. А.А. Плещеева, 1897. С. 1-151.  
 ПВПН РИ, 1905 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. Издание Центрального статистического комитета МВД под ред. Н.А. Тройницкого. Т. XXVIII: Оренбургская губерния. СПб.: Типография «Товарищества Художественной печати», 1905. 198 с.  
 Приложение, 1881 – Приложение. Описание парижской, раскрашенной модной картинки // *Новый Русский Базар*. 1881. № 1. С. 1-2.  
 Рашин, 1956 – *Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811-1913)*. Статистические очерки. М.: Государственное статистическое издательство, 1956. 352 с.  
 Ренко, 1892 – *Ренко О.И. Письмо в редакцию // ОЛ*. 1892. № 5. 26 января. С. 3.  
 Хроника, 1904a – *Хроника // Листок объявлений. Приложение к газете «Оренбургский листок»*. 1904. № 1. 4 января. С. 1-2.  
 Хроника, 1889 – *Хроника // Оренбургский листок*. 1889. № 2. 8 января. С. 2.  
 Хроника, 1891 – *Хроника // Оренбургский листок*. 1891. № 2. 6 января. С. 3.  
 Хроника, 1896a – *Хроника // Оренбургский листок*. 1896. № 1. 7 января. С. 2.  
 Хроника, 1896b – *Хроника // Оренбургский листок*. 1896. № 51. 22 декабря. С. 3-4.  
 Хроника, 1898a – *Хроника // Оренбургский листок*. 1898. № 1. 1 января. С. 2-3.  
 Хроника, 1898b – *Хроника // Оренбургский листок*. 1898. № 2. 4 января. С. 3.  
 Хроника, 1898c – *Хроника // Оренбургский листок*. 1898. № 8. 15 февраля. С. 2.  
 Хроника, 1899a – *Хроника // Оренбургский листок*. 1899. № 7. 14 февраля. С. 3-4.  
 Хроника, 1899b – *Хроника // Оренбургский листок*. 1899. № 9. 28 февраля. С. 2  
 Хроника, 1899c – *Хроника // Оренбургский листок*. 1899. № 52. 25 декабря. С. 3-4.  
 Хроника, 1900 – *Хроника // Оренбургский листок*. 1900. № 2. 9 января. С. 2.  
 Хроника, 1903 – *Хроника // Оренбургский листок*. 1903. № 52. 21 декабря. С. 2-3.  
 Хроника, 1904b – *Хроника // Оренбургский листок*. 1904. № 1. 1 января. С. 2-3.  
 Хроника, 1904c – *Хроника // Оренбургский листок*. 1904. № 6. 8 февраля. С. 3-4.  
 Хроника, 1913 – *Хроника // Оренбургская газета*. 1913. № 6. 8 января. С. 2-3.  
 Яхно, 2019 – *Яхно О.Н. Досуг в провинциальном городе начала XX века: новые формы организации // История: факты и символы*. 2019. №1 (18). С. 73-84.  
 Яхно, 2010 – *Яхно О.Н. Зимние развлечения горожан в начале XX в // Восьмые Татищевские чтения: Доклады и сообщения*. Екатеринбург: ООО «Издательство УМЦ УПИ», 2010. С. 150-154.  
 Nemo, 1876a – *Nemo. Фельетон // ОЛ*. 1876. № 2. 4 января. С. 1-2.  
 Nemo, 1876b – *Nemo. Фельетон // ОЛ*. 1876. № 8. 15 февраля. С. 1-2.  
 Nemo, 1876c – *Nemo. Фельетон // ОЛ*. 1876. № 50. 5 декабря. С. 1.

## References

- Abdrakhmanova, Burlutskaya, 2024 – *Abdrakhmanova, E.N., Burlutskaya, E.V. (2024). Rebenok na rubezhe stoletiy. Detskaya povsednevnost' v Orenburge vtoroy poloviny XIX - nachala XX v. [Child at the turn of the century. Daily life of children in Orenburg in the second half of the 19th – early 20th centuries]. Orenburg. 496 p. [in Russian]*  
 Barbachev, 1877 – *Barbachev, S. (1877). Kartinki s natury [Pictures from nature]. Orenburgskij listok*. December 25. Nr. 52. Pp. 1-2. [in Russian]  
 Burlutskaya i dr., 2020 – *Burlutskaya, E.V., Abdrakhmanov, K.A., Kurenkova, Yu.O. i dr. (2020). Povsednevnyaya zhizn' provintsial'noi gorozhanki v poreformennoi Rossii (na materialakh Orenburgskoi gubernii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka) [Daily life of a provincial woman in post-reform Russia (based on the materials of the Orenburg province in the second half of the 19th and early 20th centuries)]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo imeni G.P. Donkovtseva. 472 p. [in Russian]*  
 Burlutskaya, 2019 – *Burlutskaya, E.V. (2019). Baly, maskarady i tantseval'nye vechera kak varianty dosugovoi povsednevnosti gorozhanok Orenburgskoi gubernii vtoroi poloviny XIX - nachala XX v [Balls, masquerades, and dance parties as options for leisure activities of women in the Orenburg province in the second half of the 19th and early 20th centuries]. Istoriya povsednevnosti. 3(11): 68-79. [in Russian]*

- [Dyadya Pahom, 1889a](#) – Dyadya Pahom (1889). Raeshnik [Peepshow]. *Orenburgskij listok*. January 15th. Nr. 3. P. 2. [in Russian]
- [Dyadya Pahom, 1889b](#) – Dyadya Pahom (1889). Raeshnik [Peepshow]. *Orenburgskij listok*. January 29th. Nr. 5. P. 2. [in Russian]
- [Hronika, 1889](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1889. January 8th. Nr. 2. P. 2. [in Russian]
- [Hronika, 1896a](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1896. January 7. № 1. P. 2. [in Russian]
- [Hronika, 1896b](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1896. December 22nd. № 51. Pp. 3-4. [in Russian]
- [Hronika, 1898a](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1898. January 1st, № 1. Pp. 2-3. [in Russian]
- [Hronika, 1898b](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1898. January 4th. № 2. P. 3. [in Russian]
- [Hronika, 1898c](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1898. February, 15. № 8. P. 2. [in Russian]
- [Hronika, 1899a](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1899. The 14th of February. Nr. 7. P. 3-4. [in Russian]
- [Hronika, 1899b](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1899. February 28th. № 9. P. 2. [in Russian]
- [Hronika, 1899c](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1899. December 25. № 52. Pp. 3-4. [in Russian]
- [Hronika, 1900](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1900. January 9th. № 2. P. 2. [in Russian]
- [Hronika, 1903](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1903. December 21. № 52. Pp. 2-3. [in Russian]
- [Hronika, 1904a](#) – Hronika [The Chronicle]. *Listok ob"yavlenij. Prilozhenie k gazete «Orenburgskij listok»*. 1904. January 4th. Nr. 1. Pp. 1-2. [in Russian]
- [Hronika, 1904b](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1904. January 1st. № 1. Pp. 2-3. [in Russian]
- [Hronika, 1904c](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1904. February 8. № 6. Pp. 3-4. [in Russian]
- [Hronika, 1913](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskaya gazeta*. 1913. January 8th. № 6. Pp. 2-3. [in Russian]
- [Hronika, 1891](#) – Hronika [The Chronicle]. *Orenburgskij listok*. 1891. January 6th. № 2. P. 3. [in Russian]
- [Kazakova-Apkarimova, 2010](#) – *Kazakova-Apkarimova, E.Yu.* (2010). Blagorodnye sobraniya Permi i Ekaterinburga v XIX – nachale XX v. [Noble assemblies in Perm and Yekaterinburg in the 19th and early 20th centuries]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2: 81-84. [in Russian]
- [Kazakova-Apkarimova, 2018](#) – *Kazakova-Apkarimova, E.Yu.* (2018). Formy gorodskogo dosuga na Urale v nachale XX v.: tradicionalizm i modernost' [Forms of urban leisure in the Urals at the beginning of the 20th century: traditionalism and modernity]. *Chastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: In 2 t.* Vyp. 1. SPb. Pp. 365-369. [in Russian]
- [Kiskidosova, 2020](#) – *Kiskidosova, T.A.* (2020). «Gorodskaya povsednevnost'» v regional'noj periodike vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka: obzor sovremennoj istoriografii [“Urban daily life” in the regional periodicals of the second half of the 19th and early 20th centuries: a review of modern historiography]. *Gumanitarnyj vector*. 3: 73-81. [in Russian]
- [Krivoshchyokov 1915](#) – *Krivoshchyokov, A.I.* (1915). Obryady i obychai orenburgskih kazakov [Rites and Customs of the Orenburg Cossacks]. *Vestnik Orenburgskogo uchebnogo okruga*. 5: 183-210. [in Russian]
- [Kruzhevnyaya markiza, 1885](#) – Kruzhevnyaya markiza. Fel'eton. Zapiski horoshen'koj zhenshchiny [A feuilleton. Notes of a pretty woman]. *Novyj Russkij Bazar*. 1885. 6: 55-56, 58. [in Russian]
- [L. I-v., 1891](#) – *L. I-v* (1891). Fel'eton [The Feuilleton]. *Orenburgskij listok*. February 24th. Nr.9. Pp. 2-4. [in Russian]
- [Listok..., 1889](#) – *Listok ob"yavlenij. Prilozhenie k gazete «Orenburgskij listok»*. December 16th. Nr. 129. P. 1. Ads. [in Russian]
- [Listok..., 1892](#) – *Listok ob"yavlenij. Prilozhenie k gazete «Orenburgskij listok»*. January 4th. № 1. P. 2. Ads. [in Russian]
- [Listok..., 1894](#) – *Listok ob"yavlenij. Prilozhenie k gazete «Orenburgskij listok»*. February 17th. № 7. P. 2. Ads. [in Russian]
- [Maslova, 2010](#) – *Maslova, I.V.* (2010). Organizatsiya dosuga i razvlechenij kupechestva uezdnyh gorodov Vyatskoj gubernii v XIX nachale XX veka [Organization of leisure and entertainment for the

- merchants of the district towns of the Vyatka province in the 19th and early 20th centuries]. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*. 124: 62-71. [in Russian]
- [Maslova, 2013](#) – *Maslova, I.V.* (2013). Izuchenie temy «sociokul'turnaya sreda»: rossijskij provincial'nyj gorod vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. [Studying the topic "sociocultural environment": the Russian provincial city of the second half of the 19th and early 20th centuries]. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*. 7: 27-33. [in Russian]
- [Mestnaya hronika, 1910a](#) – Mestnaya hronika [Local chronicle]. *Orenburgskaya gazeta*. 1910. January 12. Nr. 8. P. 2. [in Russian]
- [Mestnaya hronika, 1910b](#) – Mestnaya hronika [Local chronicle]. *Orenburgskaya gazeta*. 1910. January 13. Nr. 9. P. 3. [in Russian]
- [Mihajlov, 1866](#) – *Mihajlov, M.* (1866). Orenburgskie pis'ma dlya zhelayushchih oznakomit'sya s Orenburgom, Orskom, Troickom, Fortom Aleksandrovskim i dorogoyu cherez Kirgizskuyu step' do Forta № 1 [Orenburg letters for those who wish to learn about Orenburg, Orsk, Troitsk, Fort Aleksandrovsky, and the road through the Kirghiz steppe to Fort Nr. 1]. SPb. [in Russian]
- [Mikityuk, Yahno, 2014](#) – *Mikityuk, V.P., Yahno, O.N.* (2014). Povsednevnyaya zhizn' Ekaterinburga na rubezhe XIX–XX vekov. Ocherki gorodskogo byta [Daily life in Yekaterinburg at the turn of the 19th and 20th centuries. Essays on urban life]. Ekaterinburg. [in Russian]
- [Minenko i dr., 2006](#) – *Minenko, N.A., Apkarimova, E.Yu., Golikova, S.V.* (2006). Povsednevnyaya zhizn' ural'skogo goroda v XVIII – nachale XX veka [Daily life in a Ural city in the 18th and early 20th centuries]. M. [in Russian]
- [Nemo, 1876a](#) – Nemo. Fel'eton [The Feuilleton]. *Orenburgskij listok*. 1876. January 4th. Nr. 2. Pp. 1-2. [in Russian]
- [Nemo, 1876b](#) – Nemo. Fel'eton [The Feuilleton]. *Orenburgskij listok*. 1876. February, 15. Nr. 8. Pp. 1-2. [in Russian]
- [Nemo, 1876c](#) – Nemo. Fel'eton [The Feuilleton]. *Orenburgskij listok*. 1876. 5th of December. № 50. P. 1. [in Russian]
- [Orenburgskaya gazeta, 1908a](#) – *Orenburgskaya gazeta*. December 2nd. № 263. P. 4. Ads. [in Russian]
- [Orenburgskaya gazeta, 1908b](#) – *Orenburgskaya gazeta*. December 3. № 264. P. 4. Ads. [in Russian]
- [Orenburgskaya gazeta, 1908c](#) – *Orenburgskaya gazeta*. December 9th. № 268. P. 5. Ads. [in Russian]
- [Orenburgskaya gazeta, 1908d](#) – *Orenburgskaya gazeta*. December 14th. № 273. P. 6. Ads. [in Russian]
- [Orenburgskaya gazeta, 1910a](#) – *Orenburgskaya gazeta*. January 5th. № 3. P. 1. Ads. [in Russian]
- [Orenburgskaya gazeta, 1910b](#) – *Orenburgskaya gazeta*. January 15th. № 11. P. 4. Ads. [in Russian]
- [Orenburgskaya gazeta, 1910d](#) – *Orenburgskaya gazeta*. January 29th. № 23. P. 1. Ads. [in Russian]
- [Orenburgskaya gazeta, 1910e](#) – *Orenburgskaya gazeta*. January 31st. № 25. P. 4. Ads. [in Russian]
- [Orenburgskaya gazeta, 1910c](#) – *Orenburgskaya gazeta*. January 20th. № 15. P. 2. Ads. [in Russian]
- [Orenburgskaya gazeta, 1913](#) – *Orenburgskaya gazeta*. January 8th. № 6. P. 1. Ads. [in Russian]
- [Orenburgskij listok, 1876](#) – *Orenburgskij listok*. December 19th. № 52. P. 1. Ads. [in Russian]
- [Orenburgskij listok, 1877](#) – *Orenburgskij listok*. December 18th. № 51. P. 1. Ads. [in Russian]
- [Orenburgskij listok, 1889](#) – *Orenburgskij listok*. January 15th. № 3. P. 1. Ads. [in Russian]
- [Orenburgskij listok, 1892a](#) – *Orenburgskij listok*. January 12. № 3. P. 4. Ads. [in Russian]
- [Orenburgskij listok, 1892b](#) – *Orenburgskij listok*. January 19th. № 4. P. 1. Ads. [in Russian]
- [Orenburgskij listok, 1896](#) – *Orenburgskij listok*. January 7. № 1. P. 1. Ads. [in Russian]
- [Orenburgskij listok, 1897](#) – *Orenburgskij listok*. February 9th. № 7. P. 1. Ads. [in Russian]
- [Pleshcheev, 1897](#) – *Pleshcheev, A.N.* (1897). Pashincev [Pashincev]. Povesti i rasskazy A.N. Pleshcheeva [Stories by A.N. Pleshcheyev]. In 2 vol. V. 2. SPb. Pp. 1-151. [in Russian]
- [Prilozhenie, 1881](#) – Prilozhenie. Opisaniye parizhskoj, raskrashennoj modnoj kartinki [Application. Description of a Parisian, colored fashion picture]. *Novyj «Russkij bazar»*. 1881. 1: 1-2. [in Russian]
- [PVPN RI, 1905](#) - Pervaja vseobshhaja perepis' naselenija Rossijskoj imperii, 1897. T. XXVIII: Orenburgskaja gubernija [The first census of the Russian empire. Volume XXVIII: Orenburg governorate]. Saint-Petersburg. 1905. [in Russian].
- [Rashin, 1956](#) – *Rashin, A.G.* (1956). Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913). Statisticheskie ocherki [The population of Russia over 100 years (1811–1913). Statistical essays.]. Moskva. [in Russian]
- [Renko, 1892](#) – *Renko, O.I.* (1892). Pis'mo v redakciju [Letter to the editor]. *Orenburgskij listok*. January 26. Nr. 5. P. 3. [in Russian]
- [Yahno, 2010](#) – *Yahno, O.N.* (2010). Zimmie razvlecheniya gorozhan v nachale XX v. [Winter entertainment of the townspeople at the beginning of the XX century]. Vos'mye Tatishchevskie chteniya: Doklady i soobshcheniya. Ekaterinburg. Pp. 150-154. [in Russian]
- [Yahno, 2019](#) – *Yahno, O.N.* (2019). Dosug v provincial'nom gorode nachala XX veka: novye formy organizacii [Leisure in a provincial town in the early 20th century: New forms of organization]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 1(18): 73-84. [in Russian]
- [Zorin i dr., 2000](#) – *Zorin, A.N., Zorin, N.V., Kaplunovskij, A.P. i dr.* (2000). Ocherki gorodskogo byta dorevolucionnogo Povolzh'ya [Essays on the urban life of the pre-revolutionary Volga region]. Ul'yanovsk. [in Russian]

**От Рождества до Масленицы. Городская праздничная повседневность в Оренбурге на рубеже XIX–XX вв. по материалам оренбургской прессы**

Елена Вадимовна Бурлуцкая <sup>а</sup>.\*

<sup>а</sup> Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Российская Федерация

**Аннотация.** В статье рассматривается эволюция праздничной повседневности жителей Оренбурга в последней четверти XIX – первом десятилетии XX в. Объектом исследования выступает повседневная жизнь провинциальных горожан на рубеже столетий, субъектом – праздничная повседневность, как особая форма досуговой повседневности. Источниковой базой служит региональная пресса указанного периода, выступающая в качестве «коллективного дневника» жителей города, фиксирующего как ключевые события городской жизни, так и мнения горожан относительно этих событий.

Анализ имеющихся источников позволяет констатировать относительную стандартизированность праздничных мероприятий, проводимых в различных российских городах в период с Рождества по Масленицу. К ним можно отнести разыгрывание библейских сцен, гуляния ряженных, гадания, катания на лошадях, елки, балы и маскарады, цирковые и театральные представления, концерты. Трансформация праздничной повседневности оренбуржцев, как и в других провинциальных городах на рубеже веков, проявляла себя в постепенном вытеснении фольклорных, народных форм празднования более европеизированными, интеллектуально и эстетически ориентированными. Праздничные мероприятия приобретали более корпоративный, клубный характер, сопрягались с разнообразными благотворительными начинаниями, отличались все большим разнообразием.

В то же время, праздничная повседневность оказалась достаточно тесно связанной с особенностями сословного состава городского населения. Так, присутствие в Оренбурге большого числа воинских сословий – офицеров, солдат, казаков и пр. – вносило в празднование элементы боевой и строевой подготовки и делало популярным, к примеру, такой вариант зимних забав, как «взятие снежного городка». Значительный процент населения, занятого в сфере услуг (модистки, белошвейки, горничные, лакеи и пр.) и обслуживающего потребности городской чиновничьей и военной аристократии, определило возникновение и хронологическую устойчивость такого феномена, как «лакейский бал». Маскарадные костюмы оренбургских щеголей, как правило, были тесно связаны с присутствием в городском пространстве большого числа азиатских торговцев (представителей Хивы, Бухары, Коканда, Ташкента и т. д.) и копировали детали их национальных одежд.

**Ключевые слова:** повседневность, город, праздник, Рождество, Масленица, Оренбург, конец XIX – начало XX в.

---

\* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: [ida777@yandex.ru](mailto:ida777@yandex.ru) (Е.В. Бурлуцкая)